

ГЛАВА 1

— Пятьсот гиней! — воскликнула жена Мора. — Какое безобразие!

— Рыночная цена, — пробормотал Мор.

— Что ты там бормочешь? Выплюнь эту дурацкую сигарету, а то ничего не разобрать.

— Я говорю, это рыночная цена, — повторил Мор уже без сигареты.

— Бладуард написал бы задаром.

— Бладуард сумасшедший. По его мнению, писание портретов — порочное занятие.

— А я считаю, что правление вашей школы — собрание сумасшедших. У вас, должно быть, денег куры не клюют! Сначала это прожекторы для освещения, а теперь новая напасть. Освещать школу прожекторами! Словно за день эта школа не успевает намозолить глаза!

— Подождем Фелисити или без нее позавтракаем? — спросил Мор.

— Нет, ждать не будем. Она всегда приезжает домой такая хмурая, ей будет явно не до еды.

Фелисити, дочь Мора и Нэн, вот-вот должна была вернуться из пансиона, так как занятия отменили из-за эпидемии кори.

Они сидели за столом друг против друга. Крошечная столовая. Массивная полированная мебель. Створки окон распахнуты во всю ширь, а за ними жаркий, томительный полдень. И небольшой палисадник. А дальше дорога, по обочинам стоят аккуратные домики, глядясь окнами друг в дружку, как в зеркало. Городок застроен сплошь новыми домами, вполне в современном духе и весьма солидными. Над крытыми красной черепицей крышами, над поникшей листвой деревьев возвышается в сонном мареве середины лета неоготическая башня школы Сен-Бридж, где учителем и куратором служит Мор. Сейчас время ланча.

— Пить хочешь? — спросила Нэн и налила себе из большого сине-белого кувшина.

Мор передвинулся вместе со стулом, чтобы выбрать что повкуснее из ряда наполненных компотом бутылок, стоящих на буфетной доске. Единственное преимущество этой столовой — до всего можно дотянуться рукой.

— А Дональд придет вечером повидать Фелисити? — спросила Нэн.

Дональд, сын Нэн и Мора, учился в шестом, выпускном, классе Сен-Бриджа.

— У него дежурство в младших классах, — сказал Мор.

— Скажите пожалуйста, дежурство в младших классах! — передразнила Нэн. — Ты бы мог избавить его от дежурства в младших классах! Вы трусы оба, каких свет не видывал. Не дай бог нарушить правила! Можно подумать, ты дал клятву верности Сен-Бриджу!

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

— Дон сам против привилегий, — коротко бросил Мор. В сущности, с этого пункта и начался сегодняшний спор. Без особого энтузиазма Мор резал ножом мясо. — Поскорее бы Фелисити приехала.

— Нет, я все-таки поговорю хорошенько с Доном, — сказала Нэн.

— Только не пили его насчет экскурсии.

Дон мечтал на каникулы поехать в горы. Родители были против.

— Что значит — «не пили»? — возмутилась Нэн. — За поступки детей отвечаем мы, взрослые.

— Пусть сначала сдаст экзамены, потом поговорим. Зачем ему лишние волнения. Дональду вскоре предстоит вступительный экзамен по химии в Кембридж.

— Пустим все на самотек, а потом нас поставят перед фактом, — возразила Нэн. — Мне Дон сказал, что от этих альпинистских планов они отказались. А вот миссис Пруэтт вчера сообщила, что вопрос все еще обсуждается. У вас там детишки, кажется, взяли за правило лгать родителям, вопреки всем разговорам о правдивости.

Хотя Мор нынче полностью отошел от религии, все же воспитан он был как методист. Поэтому глубоко верил, что безупречная честность — основа и условие существования всех прочих ценностей. Тем горше было обнаружить, что его собственные дети, можно сказать, достаточно равнодушно воспринимают этот постулат. Он отодвинул тарелку.

— Не будешь есть? — деловито спросила Нэн. — Ну так я доем, согласен?

Потянувшись острозубой вилкой через стол, она забрала мясо с тарелки Мора.

— Слишком жарко, не хочется есть, — сказал Мор.

Он посмотрел в окно. Башня школы нелепо торчала в дрожащем от зноя мареве. С проходящей неподалеку магистрали доносился приглушенный, не прекращающийся и днем шум автомобилей. Городок расположился на полпути между Лондоном и побережьем. Среди полуденной жары этот шум напоминал жужжание насекомых в зарослях. Летом время тянется, тянется, тянется бесконечно.

— Помнишь, как Лиффи, бедная, не любила жару? — произнес Мор.

Лиффи, их собаку, золотистого ретривера, два года назад на шоссе сбила насмерть машина. Пес связывал Мора и Нэн, это была связь, которую не смогли создать даже их дети. И Мор интуитивно нашел средство — чтобы задобрить Нэн, он вспоминал Лиффи.

Лицо Нэн в самом деле тут же смягчилось.

— Бедняжка, — вздохнула она. — Любила носить-ся по лужайке за собственной тенью. Просто до изнеможения.

— Любопытно, сколько еще продлится эта жарница, — проговорил Мор.

— В других странах наслаждаются летним теплом. А у нас только и разговоров что о жаре, — вздохнула Нэн. — Невыносимо.

Нэн доедала завтрак, Мор молчал. Семейная идиллия навевала на него дрему. Потянувшись, он зевнул и принялся разглядывать пятно на скатерти.

— Сегодня вечером мы обедаем у Демойта, ты не забыла? — напомнил он жене.

Демойт, бывший директор Сен-Бриджа, ныне вышедший в отставку, по-прежнему жил в собственном

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

обширном доме поблизости от школы. И по заведенному обычаю приглашал супругов Мор к себе отобедать. Для написания его портрета и была выделена сумма в пятьсот гиней, столь возмутившая Нэн.

— Вот наказание, я и забыла, — расстроилась Нэн. — Но там же скука смертная. Позвоню и скажу, что заболела.

— Неужели? Тебе же нравится туда ходить.

— Ах, оставь. А кто еще будет?

Нэн сторонила шумных сборищ. А Мор, наоборот, любил.

— Будет художница, портретистка. Кажется, вчера приехала.

— А, я читала о ней в нашей газетке. У нее еще имя такое, потешное. Похоже на дождик...

— Рейн Картер.

— Рейн Картер! — воскликнула Нэн. — Бог мой! Дочь Сидни Картера. Он-то уж точно хороший художник. По крайней мере, знаменитый. Если уж так захотелось ухнуть кучу денег, пригласили бы его.

— Он умер. В начале года. Но, по общему мнению, дочь тоже справится.

— Еще бы, за такие деньги. Придется одеться соответственно. Она-то наверняка явится разряженная. Француженки — они такие. Вот не было заботы! Кстати, где же она остановилась? В «Голове сарацина»?

— Нет. Мисс Картер поживет в доме Демойта. Прежде чем начать писать, она хочет изучить характер, познакомиться с его окружением. Она подходит к портретистике фундаментально.

— Демойт, этот старый осел, наверняка будет в восторге. Но каково выражение! «Фундаментальная портретистика»! Сногсшибательно!

Ехидство Нэн больно задевало Мора даже в тех случаях, когда не он, а другие становились его объектом. Когда-то Мору казалось, что злословит она лишь для того, чтобы защитить себя. Но время шло, и ему все труднее было верить, что Нэн так уж ранима. И все же он держался за созданный когда-то образ беззащитной Нэн уже исключительно ради собственного спокойствия.

— Ты ведь с ней не знакома, зачем же так злословить?

— Это что, вопрос? Прикажешь подумать над ответом?

Они взглянули друг на друга. И Мор отвел глаза. Жена сильнее его. Мора глубоко ранило это открытие. И как ни уговаривал он себя, что сила-то ее идет от упрямства и от бессмысленного жестокосердия, чувство стеснения и обиды не проходило. Он видел ее насквозь, и прошло уже то время, когда удавалось укрываться от этого знания во влюбленности или, на худой конец, в равнодушии. Он поработен. Он под пятой. Его непрерывно оскорбляют. Ранние годы их брака прошли, в общем-то, безоблачно. В те времена у супругов был один предмет разговоров — они сами. Этот источник не мог не иссякнуть, а новый им отыскать не удалось... и пришел день, когда Мор понял — та, с которой он до конца дней своих связан, вовсе не считает себя связанной: способность изменяться, возможность отдаляться от него, становиться независимой — эти права она сохранила за собой. В тот день Мор поспешил обновить в памяти свои брачные обеты.

— Извини. — Мор поставил себе за правило: виноват ты или нет, извиниться надо в любом случае.

Нэн всегда была готова рассердиться, и надолго. Он первым шел на попятную. Ее упорство было бесконечно. — На самом деле, если верить Эверарду, она чрезвычайно застенчивая, наивная девушка. Рядом с отцом вела совершенно монастырский образ жизни.

Преподобный Джайлз Эверард был новым директором Сен-Бриджа и носил прозвище Эвви-реви.

— Совершенно монастырский! — насмешливо воскликнула Нэн. — Во Франции? Это Эвви-реви так думает, он ведь, как завидит кого-нибудь противоположного пола, сразу опускает очи долу, словно барышня. А с другой стороны, даже хорошо, что эта девица будет на обеде. По крайней мере, избавимся от Хандфорт, ты от нее без ума!

Мисс Хандфорт, домоправительницу Демойта, Нэн числила среди своих заклятых врагов.

— Совсем я не без ума от нее, но она такая энергичная, а Демойту рядом с ней хорошо.

— Никакая она не энергичная, — возразила Нэн, — просто голос громкий и болтовню не прекращает ни на минуту, даже когда прислуживает за столом. Меня прямо в дрожь бросает. Кто вообще против условностей, тому незачем держать слуг. Вот мороженое. Хочешь? Нет?

— Она поддерживает в Демойте бодрость духа. По его мнению, когда вокруг шум и гам, перестаешь углубляться в собственные горести.

— Несносный старикан. Глупости все это.

Мор симпатизировал Демойту.

— Поскорее бы Фелисити приехала, — произнес он.

— Не тверди все время одно и то же. Можно у тебя взять ложечку для мороженого? Я свою в подливке испачкала.

Мор взглянул на часы.

— Мне пора в школу.

— Ты поел, но это не означает, что завтрак закончен. Еще не пятнадцать минут третьего, колокол не зазвонил. И нам надо поговорить с Фелисити о ее будущем, ты не забыл?

— А надо ли? — спросил Мор.

Эта реплика была своего рода провокацией, от которой он не мог удержаться и на которую Нэн всегда ловилась. Часть повторяющейся схемы. Его грешок.

— Что значит «надо ли»?

Нэн умела спросить так, что ответ извергался из Мора автоматически.

— «Надо ли» значит, что я не знаю, что по этому поводу думать.

Он ощутил внутри холодок, обычно предшествующий раздражению.

— Не беда, я знаю. Наши финансы и ее способности порядком ограничивают выбор, тебе не кажется?

Она посмотрела на Мора в упор. И снова не избежать ответной фразы.

— Давай подождем немного. Фелисити и сама еще не разобралась в своих желаниях.

Мор знал: Нэн может часами продолжать в таком же духе и при этом оставаться совершенно спокойной. Никакие доводы его не спасут. Рассердиться — вот его единственная по-настоящему действенная защита.

— У тебя привычка считать, что люди не знают, чего хотят, если они не хотят того, чего хочешь ты, — заметила Нэн. — Ты смешон, Билл. Фелисити, конечно же, мечтает бросить школу. И если в следующем году она все же поступит на эти курсы машинисток, то уже сейчас нам надо подумать о средствах.

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

— Я не желаю, чтобы Фелисити стала машинисткой.

— Но почему? Если повезет, она может сделать приличную карьеру. Стать секретарем у какого-нибудь состоятельного мужчины.

— Я не хочу, чтобы она стала секретарем у состоятельного мужчины. Я хочу, чтобы она сама стала состоятельной женщиной и чтобы у нее самой был секретарь.

— Ты витаешь в облаках, Билл. Дети у нас совсем не вундеркинды, а ты их убеждаешь в обратном и уже тем самым делаешь несчастными. Втянул Дона в историю со сдачей экзаменов, ну так успокойся на этом. И если бы ты наш брак воспринимал более ответственно, то старался бы быть реалистом. Почувствуй же хоть немного ответственности за детей. Я знаю, насчет себя ты строишь разные фантастические планы. Но хотя бы ради детей сними розовые очки.

Мору стало не по себе. Выражение «наш брак» всегда резало его слух. Потому что всплывало всегда в связи с каким-нибудь неприятным замыслом, в правильности которого Нэн тут же начинала его убеждать. Он сделал над собой усилие:

— Может, ты и права. И все же я думаю, мы должны подождать.

— Я несомненно права.

Последняя реплика эхом отозвалась в голове Мора. Он постоянно осознавал опасность — в пику безапелляционности Нэн самому стать излишне безапелляционным. И он попробовал заговорить о другом:

— Ты сделала перестановку в комнате Фелисити. Но понравится ли ей?

Нэн любила переставлять мебель. Ее стараниями все в доме постоянно двигалось, смещалось, ничья собственность не уважалась, ничьи взгляды, ничьи привычки не учитывались: таким образом удовлетворялось, или так Мору казалось, желание Нэн ощутить себя полновластной хозяйкой в доме. За долгие годы он привык к этой нескончаемой кутерьме, но пренебрежение желаниями детей его обижало.

О *другом* Нэн не пожелала говорить.

— До чего же ты простодушен. По-твоему, все реакционеры считают женщин тупыми, а прогрессисты, наоборот, умными! На такой сентиментальный феминизм у меня нет времени. А вот ваш обожаемый Эверард ему очень привержен. Я тебе не рассказывала, он уговаривает меня произнести речь на этом глупом обеде.

В честь вручения школе портрета Демойта должен был состояться торжественный обед, дату еще не определили.

— Да, он мне говорил. Надеюсь, ты согласишься. У тебя наверняка хорошо получится.

— Нет, не хочу. Ну зачем и мне, и тебе строить из себя дурачков? Я и Эвви сказала. Ох и глуп же он. Мужчины его поколения буквально напичканы возвышенными идеями насчет эмансипации женщин. Но если он представляет себе свободное общество в виде женщины, произносящей речь на торжественном обеде, то пусть поищет кого-нибудь другого. Он попросил меня «обдумать». Но я лишь рассмеялась. Да он просто смешон.

— Но ты должна попытаться. Вот ты жалуешься на замкнутость нашей жизни, но при этом не пытаешь-

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

ся ничего изменить, внести в нее что-нибудь новое, другое.

— Если ты думаешь, что из-за дурачеств на каких-то там глупых обедах моя жизнь станет, как ты прелестно выразился, менее замкнутой, то могу тебя поздравить — попал пальцем в небо.

Над деревьями поплыл колокольный звон. Пятнадцать минут третьего. Начало первого послеполуденного урока.

— Мне не нравится, что ты забросила немецкий. Давно уже ничего не учишь, разве не так?

Когда-то Мор тешил себя надеждой, что в силах расширить ее кругозор. В способностях Нэн он никогда не сомневался. И все надеялся отыскать в ней какой-нибудь талант. Дом был завален кучей вещей, намекающих на области, которыми он пытался заинтересовать жену: французские грамматикки, грамматикки немецкие, книги по истории, биографии, альбомы репродукций, среди них была даже гитара, на которой Нэн какое-то время брэнчала, но так и не научилась играть. Нэн любила сокрушаться по поводу собственной бесталанности и в то же время совершенно не пыталась взяться за дело серьезно, это огорчало Мора. Она намеренно выбрала именно его в посредники между собой и миром и потом на него же за это сердилась. Знакомых у нее было мало, и из занятий только домашняя работа.

— Не зли меня. У тебя нет урока в два пятнадцать?

— У меня «окно», но надо пойти проверить тетради. Вот, кажется, и Фелисити?

— Это молочник. Кофе выпьешь?

— Возможно.

— Если не особо хочешь, не наливай, кофе стоит дорого. На самом деле тебе ведь все равно, учу я немецкий или нет. Бредни, которыми тебя потчует Тим Берк, вот что тебе интересно. По-твоему, именно я, такая ограниченная, мешаю тебе сделаться в конце концов премьер-министром!

Тим Берк был ювелиром, старинным другом семьи. Попутно занимал кресло председателя местного отделения лейбористской партии и уговаривал Мора стать их депутатом в парламенте. Тут открывались любопытные перспективы. Мора глубоко занимала эта идея.

— Я еще всерьез не задумывался, но вижу, что ты уже напугана.

Он и не предполагал, что несогласие жены с его планами может так обижать его. Но во всем этом еще предстояло разобраться.

— Напугана! Ну и словечко ты нашел! Да я просто трезво смотрю на вещи. Я не хочу, чтобы над нами потешались. Милый мой, я все понимаю, это очень привлекательно, Лондон и все такое, а на деле все обернется вот чем — крохотное жалованье, гигантские расходы и никаких гарантий. Чтобы быть членом парламента, надо иметь постоянный источник доходов. Ты же хочешь объять необъятное. Отправить Фелисити в дорогую школу — твоя придумка. Послать Дона в Кембридж тоже захотел ты.

— Он будет получать вспомоществование от здешней администрации, — пробормотал Мор.

В настоящую минуту он не хотел вступать в спор. Предпочитал поберечь энергию.

— Ты не хуже меня знаешь, — продолжила Нэн, — что вспомоществование от администрации — это капля в море. Он мог бы поработать у Тима. Мог бы по-

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

путешествовать, посмотреть мир. А в Кембридже он одному лишь научится — подражать богатеньким приятелям.

— Его заберут в армию.

Убедив Дональда готовиться к поступлению в университет, Мор одержал победу, что случилось нечестно в его жизни. И вот с тех самых пор и расплачивался за эту победу.

— Беда в том, Билл, что, несмотря на все свои громкие лейбористские декларации, в душе ты просто сноб. Ты мечтаешь, чтобы твои дети стали «леди и джентльменами». Но, не говоря уже о деньгах, ты, увы, просто не из того теста, из которого получаются общественные деятели. Пиши свой школьный учебник, так будет лучше.

— Я уже объяснял — это не учебник.

Мор писал книгу о природе возникновения политических идей. Писал уже несколько лет, работа продвигалась медленно. Но ведь у него так мало свободного времени.

— Ну не сердись. Зачем сердиться. Что не учебник, это жаль, конечно. На учебниках можно неплохо заработать. А если мы срочно не достанем откуда-нибудь денег, то придется поумерить аппетиты. О каникулах на континенте останется только мечтать. Даже наш скромный отдых в Дорсете по сути своей будет испорчен, особенно если мы с Фелисити уедем прежде, чем закончится учебный год.

— Нэн, ради бога, перестань! Хватит о деньгах!

Мор встал. Ему уже давно пора быть в школе.

— Когда ты вот так со мной разговариваешь, Билл, я перестаю понимать, зачем мы вообще продолжаем жить вместе. Я думаю, может, нам развестись?

Нэн время от времени повторяла эту фразу, всегда спокойным, бесстрастным тоном, избранным ею для споров с мужем. Это тоже была часть схемы. Настал черед реплики Мора.

— Не говори чепухи, Нэн. Прости, что своими словами тебя огорчил.

Сцена изменилась моментально. Нэн встала, и они вместе начали убирать со стола.

Из прихожей донесся какой-то звук.

— Фелисити! — воскликнул Мор и быстрым шагом прошел мимо жены.

Фелисити закрыла за собой дверь и поставила чемоданчик на пол. Родители смотрели на нее, остановившись в дверях столовой.

— Здравствуй, детка, — сказала Нэн.

— Привет, — ответила Фелисити.

Ей было четырнадцать лет. Тоненькая, стройная, для своего возраста довольно рослая, с очень светлой кожей, к лету имевшей обыкновение покрываться щедрой россыпью золотистых веснушек, с чуть выпуклыми глазами, которым было присуще вопросительно-изумленное выражение. Глаза у нее были материнские, синие, но при этом к синеве примешивался еще какой-то неуловимый, затуманивающий синеву оттенок. У Нэн были темно-русые, от природы волнистые волосы. У Фелисити — такого же цвета, но светлее и не вьющиеся, собранные сейчас в конский хвост, торчащий из-под школьной шапочки. От отца она ничего не унаследовала. Дон, вот кто получил и темные, жесткие, курчавые волосы Мора, и его костистое лицо с чертами, неправильными до некрасивости.

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

Фелисити сдернула шапочку и метнула ее в направлении столика. Шапочка упала на пол. Нэн подошла, подняла шапочку и поцеловала дочку в лоб.

— Как занятия, детка, все благополучно?

— Ничего, нормально.

— Привет, старушенция, — улыбнулся Мор, похлопав дочь по плечу.

— Привет, папа. А Дон здесь?

— Нет, доченька, но завтра придет наверняка, — ответила Нэн. — Ты проголодалась? Я приготовлю завтрак.

— Я не голодная, — ответила Фелисити, берясь за ручку чемодана. — Ничего, папа, не волнуйся, я донесу сама.

— Что ты собираешься делать вечером? — спросила Нэн.

— Я же только что приехала. Еще не знаю.

Она начала подниматься по лестнице. Родители молча смотрели ей вслед. Через минуту наверху громко хлопнули дверью.

ГЛАВА 2

Был светлый тихий вечер. Затворив двери шестого класса, Мор широким шагом прошел по коридору. За дверью тут же поднялся приглушенный гул. Он только что провел урок истории на классическом отделении. Дональд тоже учился в шестом, но на естественно-научном отделении, и вот уже два года как выбыл из числа учеников Мора, к величайшему облегчению последнего. Мор преподавал в Сен-Бридже историю, а если требовалось, то и латынь. Он любил свою профессию и знал, что обладает педагогическим талантом. В школе его уважали, а с уходом Демойта стали уважать еще больше. И сознание этого в какой-то степени вознаграждало его за все неудачи в других «департаментных» жизни.

Выйдя из застекленных дверей главного корпуса школы и окунувшись в теплый солнечный свет, он почувствовал себя вполне довольным, частью оттого, что урок прошел хорошо, частью от предвкушения приятного вечера. В обычные дни между окончанием занятий и ужином повисала тягостная пауза, которую

приходилось чем-то заполнять — чтением, проверкой тетрадок, бестолковыми разговорами с Нэн. Это было, как правило, самое бесполезное время дня. Но сегодняшний вечер сулил живую, захватывающую беседу с Демойтом в его необыкновенном доме. Если потороплюсь, думал Мор, то успею, прежде чем явится Нэн, выпить с Демойтом пару бокалов хереса. Нэн взяла за правило приходить позже, что неизменно сердило Ханди. Несомненно, будут вино и закуска. Нэн вообще-то не употребляла алкоголя, да и Мор позволял себе выпить лишь изредка, отчасти из-за того, что был воспитан в традициях трезвости, отчасти из соображений экономии, но с Демойтом или с Тимом иногда выпивал, хотя при этом почему-то всегда испытывал чувство вины.

Демойт жил в трех милях от школы, в прекрасном грузинском доме, именуемом «Брейлингское подворье». Этот дом он приобрел во времена своего директорства и его же намеревался отписать школе в своем завещании. Он наполнил дом сокровищами, среди которых выделялись старинные восточные ковры — предмет особой гордости Демойта. Он даже написал монографию на тему восточного ковроткачества, небольшую, но очень толковую. Демойт был истинным ученым. И Мор, которого природа наделила талантом учителя, но никак не ученого, без всякой зависти искренне восхищался его недюжинным умом, а в сильный, независимый характер и великолепное чувство юмора был, можно сказать, влюблен; к тому же и Демойт чрезвычайно благоволил к Морю. Мор частенько задумывался, что окажись Демойт в стане противника, это было бы очень и очень неприятно. Долгое пребывание Демойта на посту директора знаменова-

лось постоянными стычками с учительским коллективом, и о времени его директорства до сих пор упоминали не иначе как об эпохе «террора». Чувство, что ты надежно укрепился на своем месте, было в те времена для учителей Сен-Бриджа роскошью, которой Демойт, ничтоже сумняшеся, их лишил. Как только в работе того или иного преподавателя случались погрешности, Демойт тут же начинал хлопотать о его увольнении; а уж если Демойт стремился к осуществлению чего-либо, то быстро добивался своей цели.

С Демойтом было трудно ужиться, но и с должности снять не так-то просто. Когда пришел возраст выхода на пенсию, он убедил правление продлить срок его директорства еще на пять лет, но и это время истекло, а он все продолжал возглавлять школу и ушел только в результате сильнейшего нажима, после того как школьный инспектор обратился в арбитраж. Лет десять назад Мор стал доверенным лицом Демойта, его правой рукой, посредником между директором и учительским коллективом и, сначала неофициальным, а после уже и общепризнанным, заместителем Демойта. Исполняя свои обязанности, Мор отдавал отчет, что наслаждается абсолютной властью, не испытывая при этом никаких угрызений совести за последствия. Он смягчал бремя тирании, будучи в то же время ее орудием и нередко вкушая сладость неограниченной власти.

Демойт хотел, чтобы Мор стал директором после его ухода, но поскольку Сен-Бридж принадлежал англиканской церкви, то и кандидат на место главы школы должен был, так требовало правление, хотя бы номинально быть англиканцем. Этому параграфу Мор не соответствовал, и буря, разыгравшаяся ради того,

чтобы в школьном уставе изменили пункт о вероисповедании, окончилась ничем. Наверняка вначале Демойт строго придерживался параграфов устава относительно веры, но ко времени прихода Мора ортодоксальность директора успела поизноситься, превратившись в вежливый, но непоколебимый консерватизм. В годы правления Демойта Закон Божий, в сущности, не преподавался, если не считать избитых сведений и пения древних и новых псалмов; и мальчики знакомились с религией во многом так же, как с вопросами пола, собирая нескромные сведения из каких попало книжек. О чем заботился Демойт, так это о профессионализме в работе. Его подчиненные обязаны были возвращать молодую поросль, а за неумение возвращать их ждало увольнение, и с каждым годом жертв на учебном судне, именуемом Сен-Бридж, становилось все больше, процесс выбраковки шел постоянно. Относительно морали и тому подобных высоких материй Демойт придерживался взгляда, что если школяр успеет в латыни, то уж точно не станет негодяем.

Совсем иные взгляды исповедовал преемник Демойта, преподобный Джайлз Эверард, к которому Демойт относился с нескрываемым презрением и всегда, упоминая о нем, прибавлял «бедняга Эвви». Воспитание характера — вот что было ближе всего сердцу Эверарда, а успехи в латинской прозе и поэзии он считал как раз задачей второстепенной. Первым делом новый руководитель изменил учебный план, потому что именно в этом документе ярче всего отражалось увлечение Демойта «звездными» учениками; а появлением нового плана как бы провозглашался новый Сен-Бридж, обещающий сосредоточить свои усилия не на пестовании вундеркиндов, а на воспитании всех

учащихся в духе высокой нравственности, в том числе посредственных и даже откровенно тупых. Демойт с гневной неприязнью следил за этими нововведениями.

Нэн всегда прохладно относилась к Демойту. Может, потому, что Демойт прохладно относился к ней; впрочем, как догадывался Мор, в любом случае эти двое не смогли бы стать друзьями. Нэн не терпела эксцентричности, которую раз и навсегда обозвала кривлянием. Наверное, она и мысли не допускает, размышлял Мор, что есть люди, полностью от нее отличающиеся. Помимо всего прочего, Нэн враждебно относилась к неженатым мужчинам, видя в их неустроенности нечто нездоровое и угрожающее, а Демойт за долгие годы одиночества, за годы тиранической власти над коллективом преуспел в этом, так сказать, в квадрате. Он был страстным спорщиком и в редких случаях жертвовал остроумием в пользу такта. С одной стороны, по своим привычкам он был как бы консерватором, но, с другой стороны, гражданские институты громил на чем свет стоит. И в том числе, разумеется, институт брака. В священном домашнем уединении Нэн частенько позволяла себе выражение «наш брак», но касаться этой области отношений в компании посторонних, в общих чертах или в деталях, считала недопустимым. А где начиналась область обитания «посторонних»? Да тут же, за порогом ее дома. Демойту такая щепетильность была чужда, и он то и дело приводил Нэн в смятение своими пылкими замечаниями на тему семейной жизни. «Семейная пара — это опаснейший механизм!» — говаривал он, поднимая палец и наблюдая за выражением лица Нэн. «Брак есть выражение эгоизма, благоустроенного, да еще и санкционируемого

обществом. Семейному человеку ох как трудно войти в Царствие Небесное!» А однажды после какой-то его особенно колкой реплики, когда Мор вступился за Нэн, Демойт, можно сказать, выгнал обоих из дома, да еще и прокричал вслед: «Вы можете мириться друг с другом, но я с вами мириться не обязан!»

После этого Морю лишь с величайшим трудом удалось убедить Нэн ходить вместе с ним на обеды к Демойту. Но в глубине души он понимал: если бросить уговоры и начать ходить одному, враждебность Нэн к Демойту удвоится и она не пожалеет сил, чтобы положить конец этой дружбе. Поэтому они ходили в гости вдвоем, но на обратном пути Нэн всякий раз давала волю своей язвительности. Вяло соглашаясь с комментариями жены, Мор оправдывал свое мелкое предательство тем, что таким образом предотвращает более чувствительную для его самолюбия капитуляцию. Нэн соглашалась терпеть Демойта, но при условии, что Мор присоединится к ее неприязненному мнению; и, чтобы умиротворить жену, Мор присоединялся, но при этом не переставая мысленно бичевать себя за малодушие.

Мор прошел по асфальтированной площадке, по привычке стараясь не смотреть на окна классных комнат, за которыми все еще шли уроки; с некоторым разочарованием он вспомнил, что сегодня Демойт будет не один. Мор иногда заезжал на Подворье поздно вечером, уже после ужина, но почему-то особенно драгоценны были для него короткие встречи перед обедом, когда, вырвавшись из тусклых школьных стен, он остро наслаждался отдыхом в необыкновенной гостиной Демойта. Мор радовался, когда к Демойту приходили гости, и вместе с тем ему нравилось встречать-

ся со стариком наедине, и если он успевал приехать к шести, то обычно так и получалось. Но сегодня вечером эта художница, мисс Картер, наверняка будет там. По отношению к данной молодой особе Мор испытывал какое-то смутное любопытство. После того как несколько месяцев тому назад умер ее отец и газеты заpestрели некрологами и хвалебными отзывами о его картинах, в этих заметках часто упоминалась и дочь. Кажется, она слыла талантливой. Эверард поделился впечатлением о ней, но ему, как выразилась Нэн, в том, что касается женского пола, доверять, в общем-то, было нельзя. Мысли о девушке улетучились как облачко, и Мор вновь задумался о Демойте.

Демойт и Тим Берк всегда были противниками в области политических взглядов, но, несмотря на это, Демойт поддерживал, к удивлению Мора, планы Тима — выдвинуть его, Мора, кандидатом от лейбористов. «Вреда от вас не будет, — говорил он Мору, — потому как, что бы вы там, в Вестминстере, ни делали, страной все равно управлять не будете, зато себе пользу принесете, вырветесь из этой проклятой рутины. Быть на побегушках у Эвви — жалкая роль, а больше вас здесь ничего не ждет. Мне думать больно об этом. Это так несправедливо». В последнем пункте Мор целиком соглашался с Демойтом. Но ему не хотелось, чтобы нынешним вечером, в присутствии Нэн, Демойт заговорил об этих планах, и поэтому надо успеть его предупредить. Если Демойт голосует «за», то Нэн тут же, автоматически, голосует «против».

Гараж, где стояли учительские велосипеды, представлял собой ветхое деревянное строение, оплетенное вьюнком, скрытое в мрачных зарослях, именуемых «учительским» садиком, и существовал параграф

в «Правилах поведения школьника», запрещающий ученикам приближаться к этому участку. От гаража вела усыпанная гравием и поросшая сорняками тропинка. По ней можно было проехать к площадке, на которой стоял новенький «остин» Эверарда и громадный дряхлый «моррис» Пруэтта. Мор отыскал свой велосипед, проехал по чуть бугристой дорожке между деревьями; затем, одолев площадку, подъехал к воротам, за которыми в нескольких шагах чернела гладкая лента асфальтового шоссе. Автомобили мчались в обоих направлениях, и Мору пришлось ждать. Наконец он перебрался на другую сторону и поехал по склону вверх к железнодорожному мосту. Подъем был довольно крутой. Как обычно, он дал себе приказ — одолеть подъем единым махом, не сходя с велосипеда. И как обычно, пришлось сделать передышку. Наконец он добрался до вершины и начал спускаться.

И вот вдалеке между деревьями замелькало Подворье. Отсюда, с этого места дороги, казалось, что дом стоит в полнейшем уединении. Городок на мгновение скрылся за мостом, а возвышающийся по другую сторону полей возле проходящей параллельно дороге торговый центр еще не успел показаться. Величественно-меланхолический дом Демойта вырисовывался как на картине; точно таким же был этот дом в те времена, когда в экипажах через грозящие нападениям разбойников вересковые пустоши сюда наезжали из Лондона гости, привозя провинциалам известия о последнем театральном триумфе Гаррика и новейшие остроты Доктора. Вновь переждав на обочине, Мор переехал на другую сторону и свернул на обсаженную старыми вязами аллею, ведущую к дому. Трухлявые вязы давно уже были угрозой для проходящих и проезжа-

ющих под ними, но Демойт отказывался их выкорчевывать. «Пусть Эвви корчует после моей смерти, — отвечал он. — Я завещаю ему это удовольствие. У него в жизни так мало радостей».

Длинный фасад дома, выстроенного из розовых кирпичей, был снабжен четырьмя эркерами. Гости, идущие по аллее, могли видеть широкий, украшенный каменным фронтоном подъезд, но чтобы оказаться возле дверей, предстояло еще объехать обширный квадратный газон. Объехав, Мор оставил велосипед у стены бывшего каретного сарая и направился к дверям. Почувствовав, что за ним наблюдают, он поднял голову и в окне над парадным входом увидел мисс Хандфорт. Приветливо помахал ей. Мор был из числа любимцев Ханди.

Мисс Хандфорт встретила его в вестибюле, спустившись по витой лестнице с топотом, от которого затрясся дом. Это была крепкая, властная женщина средних лет с лицом льва и поступью носорога. В свое время она преподавала в начальных классах.

— Привет, — произнес Мор. — Как дела, Ханди? Как его светлость?

— Ленив и несносен, как обычно, — зычным голосом доложила мисс Хандфорт. — Вы, как всегда, пришли слишком рано, но ничего страшного. — Ханди никогда не называла людей по именам. Во время разговора она то и дело покашливала. — Подхватила какую-то ужасную простуду, хотя как это меня угрозило в такую погоду, уму непостижимо. Может, это сенная лихорадка, но сено ведь уже убрали, впрочем, кто его знает. Если хотите умыться, идите, не стесняйтесь, дорога вам известна, сегодня лучше воспользоваться туалетной комнатой на первом этаже, если

вам угодно. Его величество никак не встанут, а юная особа — в гостиной, это я говорю на тот случай, если вы хотите соблюсти приличия. Не хотите, так ступайте к гардеробной и стучите. А мне надо на кухню, обед на плите.

После чего, кашляя и чихая, мисс Хандфорт скрылась за обитой зеленым сукном кухонной дверью. А Мор проделал описанный ею путь к умывальнику и попытался отмыть руки. От износившейся резины велосипедного руля ладони сделались черными. Мылу грязь уступать не хотела, зато охотно перешла на полотенце. Тон, каким мисс Хандфорт упомянула о госте, недвусмысленно намекал, что домоправительница относится к постоялице не очень дружелюбно, поэтому и Мор, махнув рукой на приличия, пошел наверх и постучал в дверь гардеробной. Изнутри донеслось какое-то ворчание.

— Можно войти, сэр?

— Нет, — раздался голос. — Уходите. Вы дьявольски рано притащились. Три минуты назад я еще спал. И вот теперь надо что-то решать относительно брюк. Не являться же перед вами в кальсонах. Там внизу, в гостиной, очаровательная леди.

Мор повернулся и медленно побрел вниз. По дороге зачем-то поправил галстук. Остановившись у двери гостиной, он посмотрел вдаль, туда, где комнаты, идущие одна за другой, сходились в перспективе на дверях кухни, в которых стояла Ханди и, по всей видимости, прислушивалась. Мор пожал плечами, этот жест мог означать что угодно. В ответ Ханди тоже пожала плечами и звучно втянула носом воздух. Что она хотела этим сказать, Мор не понял. Он вошел в гостиную и тихо притворил дверь.